

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 323.1:316.482

С. М. АЛЕЙНИКОВА,
*доктор политических наук, доцент, аналитик,
Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Беларусь
E-mail: alejnsvetlana@yandex.ru*

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ» КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: ЦЕЛИ, ФУНКЦИИ, БЕНЕФИЦИАРЫ

Выполнен анализ актуальных подходов и моделей реализации исторической политики и «войн памяти». Основу модели составляет анализ технологий и инструментов трансформации общественного сознания в отношении восприятия Великой Отечественной войны. Делается вывод о том, что «войны памяти» целесообразно рассматривать не только в рамках исторической науки, но прежде всего с социологического и политологического ракурсов. Процессное моделирование позволяет оценивать степень воздействия на общественное сознание чуждых исторических нарративов и выстраивать прогноз развития ситуации.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, процессное моделирование, политические технологии

S. ALEINIKOVA,
*Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Analyst,
Belarusian Institute for Strategic Studies, Minsk, Belarus
E-mail: alejnsvetlana@yandex.ru*

“MEMORY WARS” AS A POLITICAL TECHNOLOGY: GOALS, FUNCTIONS, BENEFICIARIES

The analysis of current approaches and models for the implementing historical policy and “memory wars” is carried out. The model is based on the analysis of technologies and tools for transforming public consciousness in relation to the perception of the Great Patriotic War. It is concluded that “memory wars” should be considered not only within the framework of historical science, but primarily from the standpoint of sociological and political science. Process modeling allows assessing the degree of impact of alien historical narratives on public consciousness and making a forecast of the development of the situation.

Keywords: historical memory, historical politics, process modeling, political technologies

Введение. Большинство публикаций по теме «войн памяти» затрагивают такие их аспекты, как понимание самого термина, их внешнеполитический контекст, технологии трансформации исторической памяти и противодействие искажению истории, необходимость патриотического воспитания молодежи,

роли исторической науки, культуры, религии и других институтов в формировании и межпоколенческой передаче памяти и т. д. [1; 2].

При всей многочисленности и большом разнообразии работ по исторической политике, они, как правило, касаются механики ее реализации либо рефлексии по поводу текущих или уже состоявшихся процессов – чаще всего в виде иллюстрации фактов фальсификации истории. Анализ, таким образом, охватывает лишь финализированный этап «войн памяти». При этом процессы формирования исторической памяти нельзя отнести к эволюционным процессам – в большинстве случаев они являются четко направленными, управляемыми, имеют типовую структуру и ограниченный набор субъектов, каждый из которых выполняет заданную ему функцию.

В связи с этим *целью* работы стало выявление общих закономерностей и моделей реализации «войн памяти».

Модели исторической памяти. Моделирование служит одним из наиболее эффективных методов анализа и управления, поскольку применяется в рамках системного подхода в условиях как локальных, так и открытых социальных и политических систем. В общем виде под моделированием понимается построение: а) аналога объекта, б) образца, идеального образа объекта. В качестве основных характеристик объекта выступают, во-первых, множественность структурных элементов и взаимосвязей между ними и, во-вторых, наличие влияния на объект внешних факторов и условий. Соответственно моделирование позволяет выявить и проанализировать цель и основные направления воздействия на объект, структурные составляющие, динамику развития и иные элементы.

В общественно-политических дисциплинах сложилось значительное количество подходов к моделированию, к наиболее распространенным из которых можно отнести системные, структурно-функциональные, факторные, нормативные, когнитивные и др. В настоящее время нет единого подхода к моделированию исторической политики и «войн памяти». Анализ имеющихся многочисленных работ позволяет различать закладываемые в них функции и на этой основе выделить следующие модели:

традиционалистская, направленная на поддержание и воспроизводство в обществе устойчивых представлений через традиционные инструменты системы образования (школьные и вузовские программы, краеведение, музейная деятельность, искусство и т. п.). Примером может служить советская практика формирования и сохранения исторической памяти, привязанная к жизненному циклу человека – от детской дошкольной литературы, кино до выработки специального церемониала, чествования ветеранов, торжественных мероприятий;

легитимирующая, в которой история (историческая память) рассматривается преимущественно как инструмент формирования доверия власти и леги-

тимации принимаемых ею решений. Инструментами выступают образование, медиа и иные институты, транслирующие провластную повестку. Можно также отметить подход, согласно которому история «все чаще заменяется образом священного прошлого (мифом о происхождении)» и «широко применяется для легитимизации политических, экономических, социальных и культурных прав этнической группы» [3]. Пример – российская политика монополии памяти и героизации событий Великой Отечественной войны при одновременном устойчивом курсе на «десоветизацию» истории (советских ценностей, идей социализма и т. д.);

приближенной по функциональному наполнению к легитимирующей является *прагматическая модель*, которая служит для получения вполне конкретных материальных выгод и «определенных предпочтений (например, лояльности элит в конкретных вопросах) и в то же время может быть направлена на формирование символического капитала самой власти» [4, с. 227]. Отличительной чертой модели можно назвать ее ориентированность на внешний контур – международное сообщество. Пример – историческая политика в ряде постсоветских стран с героизацией военных преступников и сносом советских памятников как одно из условий получения внешнего финансирования;

конструктивистская, наиболее теоретически разработанная, в которой под исторической памятью понимается конструирование желаемых взглядов, оценок, преемственности мировоззрения и идейных посылов. Рассматривается в русле концепций социальной рамки памяти М. Хальбвакса, культурной памяти Я. Ассмана, «мест памяти» П. Нора, «культурной травмы» и «общества травмы» П. Штомпки и Ж. Тощенко и др. Пример – современные модели исторической памяти большинства европейских и постсоветских государств. Кроме того, в последние годы отдельным направлением в «перепрошивке» исторической памяти становится ее цифровизация (*digital memory studies*) [4, с. 14–15]. В научный оборот и политтехнологическую практику введены такие понятия, как «феномен гибкой памяти», «цифровая память», «геймификация прошлого». Соответственно обновляется перечень инструментов «войн памяти»: «режим забвения», «исторический мем», «симуляция истории», «тикток память».

достаточно распространенной разновидностью конструктивистских моделей является *этнонациональная модель*, цель которой, как правило, состоит в формировании национальной идентичности как инструмента обоснования прав и статуса отдельных этносов. Подобные модели историческими можно назвать лишь условно, поскольку они во многом определяются социально-политическим контекстом и максимально приближены к работе с общественным мнением: «...общество отбирает факты или даже псевдофакты, которые помогают ему обрести себя, обеспечить себе достойное место в современном

мире и облегчают доступ к тем или иным ценным ресурсам, будь то реальное политическое положение или символический престиж» [5, с. 16]. Основным инструментом выступает виктимизация идентичности, то есть представление себя в виде жертвы. Примером могут служить модели исторического прошлого неокOLONиальных стран и этносов, выстраивание взаимоотношений титульных, коренных и малочисленных этносов в многонациональных странах (США, СССР, Россия, страны Центральной Азии, Закавказья и т. д.);

лингвистическая, подразумевающая актуализацию исторической памяти через языковые модели, целью которых служит «якорение» в общественном сознании нужных идей и смыслов. Инструментом выступает образное, эмоциональное воздействие на сознание индивида, в связи с чем ее можно назвать одной из наиболее эффективных. В качестве примера можно привести советское искусство, слоганы и нарративы которого сохраняют свой мобилизационный и консолидирующий потенциал и сегодня.

Возрастающее внимание профильными научными структурами (например, кафедра исторической информатики Московского государственного университета) уделяется обоснованию *математических моделей исторических процессов*, предполагающих использование математического аппарата для вычисления возможных траекторий развития событий. Инструментами служат дифференциальные уравнения, синергетика и нелинейная динамика, вероятностные, имитационные, прогностические, измерительные модели, семантические сети, фреймы, нейросети и др. [7].

Основная сложность в моделировании исторических и социальных процессов состоит в их операционализации, то есть возможности применения к ним единых алгоритмов, переменных и индикаторов. Поэтому в математических моделях за рамки анализа выносятся теоретические и методологические основания истории, а выбор отбираемых фактов или концептов априори является субъективным (конвенциональным). В то же время, как показывают исследования, именно математические модели закладываются в основу большинства тематических компьютерных игр, служащих одним из наиболее эффективных инструментов в «войнах памяти», создании и популяризации «альтернативной истории».

Краткий обзор сложившихся на сегодня моделей исторической политики позволяет сделать предварительный вывод об их приближенности прежде всего к социально-политическому контексту. Это связано с тем, что *историческая память всегда функциональна, при этом основная функция во всех моделях – изменение общественного мнения и массового сознания для достижения конкретных политических целей* (легитимация власти, удовлетворение геополитических амбиций, продвижение бизнес-интересов и получение преференций крупных международных игроков, обеспечение лояльности элит, электората, общества в целом и т. д.).

Понимание *политической сущности конструирования коллективной памяти* снимает противоречия, связанные с научными изысканиями и интерпретацией истории, и выдвигает на первый план уже не историю как науку, а социологические, политологические, политтехнологические подходы к изучению «войн памяти». Кроме того, общим пробелом в рассмотренных моделях видится отсутствие описания направленности процессов, их конечных целей, протяженности во времени и пространстве. В связи с этим наиболее соответствующим объекту изучения представляется процессное моделирование.

Процессные модели. Процессы отражают последовательность и взаимосвязь между действиями, а также необходимые ресурсы и условия выполнения заданных целей. При этом полномочия управления процессами с обозначением границ ответственности за результат передаются руководителям (владельцам) процессов. По мнению П. Штомпки, «под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или эволюции, любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве либо модификация его количественных или качественных характеристик» [8, с. 31].

Системная модель позволяет представить процесс как совокупность логически взаимосвязанных видов деятельности управляющих субъектов, преобразующих его «входы» и «выходы». Принцип «вход–выход» лег в основу разработки практически всех модификаций современных процессных моделей: системы менеджмента качества (СМК, ISO), функционального моделирования IDEF0, моделей информационных потоков IDEF1, бизнес-моделирования BPMN и др. В подобных моделях любые процессы рассматриваются с точки зрения их целеполагания (цели, миссии) и управляемости. Основной методологической предпосылкой подобных систем выступает достаточно жесткое функциональное разделение: на управляющих и управляемых, субъектов и объектов политического, идеологического, информационного и иных видов воздействия. В основу методологии управления процессами закладывается функция либо задача с последующей декомпозицией процесса на этапы, структурные элементы, функциональные и логические взаимосвязи. Целесообразность процессного подхода обусловлена следующими факторами.

Во-первых, любая модель, связанная с управлением общественным сознанием, предполагает сложную архитектуру процессов. Базовый алгоритм включает в себя: сегментацию общества по целевым аудиториям – ключевым потребностям и запросам его основных возрастных, социальных, профессиональных групп и слоев; выбор методов реализации поставленных задач; параметры оценки потенциальных рисков; механизмы противодействия возможным попыткам внешнего влияния; перечень и полномочия задействованных субъектов и т. д.

Во-вторых, многофункциональностью большинства применяемых при реализации исторической политики инструментов и методов, когда один и тот же инструмент может использоваться для обеспечения различных целей и задач (например, консолидация – дезинтеграция, мобилизация – демобилизация, демотивация и т. д.). В связи с этим важно понимание целей применения и стоящих за ними интересов конкретных политических сил.

В-третьих, необходимостью измерения конечного достигнутого результата (цели) исторической политики, в отношении которой пока нет выработанных параметров и индикаторов оценки. Основные затруднения связаны с метриками, позволяющими ответить на вопросы «что измеряем?» (например, динамику общественного мнения в отношении конкретных исторических событий, эффективность задействованных институтов и инструментов и т. д.) либо «чем измеряем?» (социологический инструментарий, содержание принятых нормативных правовых актов, критерии эффективности идеологической работы, цитируемость либо степень охвата тематических СМИ, медиа и т. д.).

Модель «войн памяти». Актуальные для Республики Беларусь конкретные кейсы «войн памяти» рассмотрены нами в логике методологии функционального моделирования IDEF0, адаптированной под анализ общественно-политических процессов, в котором:

«Вход» – исходные данные;

«Имя функции» – реализуемая цель;

«Управление» – лица, принимающие решения (ЛПР), государственные органы и организации, социальные и политические институты, нормативная правовая база и т. д.;

«Механизм» – субъекты, методы и инструменты реализации «войн памяти»;

«Вызов» – параметры ограничения (правила, нормы и т. д.);

«Выход» – планируемый конечный результат (рис. 1).

Анализ модели «войн памяти» выполнен на примере попыток искажения исторической памяти белорусского общества в отношении такого исторического события, как Великая Отечественная война.

Рис. 1. Базовые параметры функционального моделирования в методологии IDEF0

Ключевые параметры модели. *Название процесса* – историческая память белорусского общества о Великой Отечественной войне.

Цель (функция, «черный ящик») – изменение общественного мнения и исторической памяти белорусского общества о Великой Отечественной войне посредством внедрения антигосударственных идеологем и концептов.

Субъект (владелец процесса) – страны коллективного Запада, действующие посредством «независимого» сегмента белорусского информационного поля.

Объект – белорусское общество в разрезе его основных демографических групп.

«Вход» – исходной предпосылкой служит нормативная правовая база – закрепление в законодательстве Республики Беларусь нормы о защите исторической правды и памяти о данном периоде. Применительно к «войнам памяти» входными данными для белорусского общества служит ценностное отношение к Великой Отечественной войне, которая воспринимается населением как ключевое событие в истории страны, а вклад белорусского народа в общую Победу – как главный предмет гордости современных белорусов.

«Выход» – на первый взгляд, конечным результатом деструктивного воздействия на историческую память белорусского общества видится изменение отношения населения к Великой Отечественной войне и десоветизация общественного сознания.

Перечень соответствующих нарративов на постсоветском пространстве достаточно широко апробирован и сводится к уже традиционным мифологемам о том, что СССР наравне с Германией несет ответственность за начало Второй мировой войны, а также последующую оккупацию освобожденных стран; решающий вклад в Победу внесли США и союзники; Победа была достигнута не за счет героизма советского народа, а бессмысленных людских потерь; огромные жертвы среди мирного населения БССР во многом спровоцировало партизанское движение, не считавшееся с интересами проживавших на оккупированных территориях людей.

Планируемым результатом деконструкции исторической памяти является замещение образа народа-победителя образом жертвы, в трагедии которой виноват СССР (советское правительство). Вместе с тем подобное перекодирование отношения к событиям Великой Отечественной войны с большим основанием можно отнести к инструментам реализации целей, но не собственно цели. Демонизация советского периода и обесценивание Победы направлены прежде всего на разрушение славянского единства и отрыв Беларуси от России, то есть изменение геополитических установок населения.

Прикладной блок (методы, технологии и инструменты). Как показывает проведенный анализ, большинство процессов замещения исторической памяти представлены «окном Овертона» – технологией изменения общественного мнения от «немыслимо» до «норма». Примерами служат распространенные

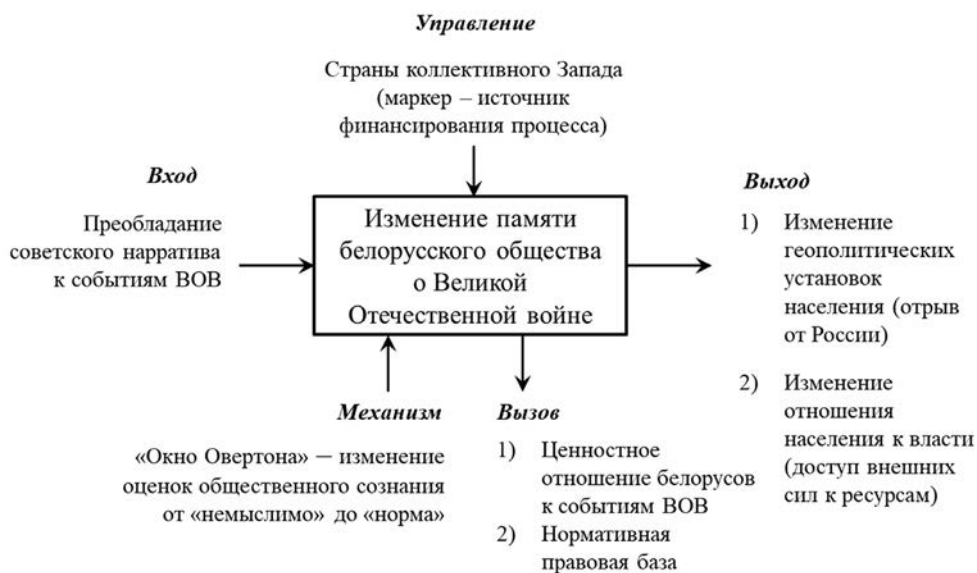

Рис. 2. Обобщенная модель «войн памяти» на примере попыток изменения нарратива о Великой Отечественной войне (ВОВ)

в псевдоисторической литературе альтернативные нарративы о трагедии Хатыни, «несуществующем» подвиге Н. Гастелло, «мифах» о других Героях Советского Союза. Трансляция подобных нарративов в общественное сознание сопровождается ссылками на воспоминания очевидцев, архивные материалы, создавая видимость «научного» и «экспертного» обсуждения и постепенно приучая аудиторию к самой возможности трансляции подобных тем.

Попытки разрушения исторической памяти белорусского общества являются управляемым (модерируемым), направленным процессом и в обобщенном виде могут быть представлены в виде функциональной модели (рис. 2).

Заключение. Обновление нормативной правовой базы и введение в Республике Беларусь правовой ответственности за искажение исторической правды сузило «коридор возможностей» для переформатирования общественного сознания. В связи с этим представляется, что основным инструментом в попытках его трансформации станет продвижение «независимыми» медиаресурсами псевдонаучного обсуждения периода Великой Отечественной войны и активное замещение ее образа темой новых войн и конфликтов. С высокой долей вероятности зарубежными вузами для белорусской молодежи будет расширен перечень образовательных программ и грантов по историческому профилю.

Таким образом, «войны памяти» представляют собой направленный управляемый процесс, главной функцией которого является изменение либо поддержание общественного мнения относительно конкретных исторических событий в целях формирования нужных политических и геополитических установок

населения. В связи с этим «войны памяти» целесообразно рассматривать не только в рамках исторической науки, но прежде всего с социологического и политологического ракурсов, позволяющих оценивать степень воздействия на общественное сознание чуждых исторических нарративов и выстраивать прогноз развития ситуации.

Список использованных источников

1. Токарева, Е. А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании / Е. А. Токарева // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 3. – С. 288–300. – DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300
2. Бордюгов, Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г. А. Бордюгов. – М. : АИРО-XXI, 2011. – 256 с.
3. Докучаев, Д. С. Модели исторической политики на региональном уровне: цели, акторы, методы / Д. С. Докучаев // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 40–50. – DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31649
4. Память в Сети: цифровой поворот в memory studies : сб. ст. / под ред. А. Ф. Павловского, А. И. Миллера. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2023. – 325 с.
5. Шнирельман, В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В. А. Шнирельман. – М. : ИКЦ «Академкига», 2003. – 592 с.
6. Танина, М. А. Теоретико-методологические аспекты анализа исторической памяти российской молодежи / М. А. Танина, И. А. Юрасов, В. А. Юдина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 7. – С. 24–27. – DOI: 10.24158/spp.2021.7.3
7. Бородкин, Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к альтернативному анализу / Л. И. Бородкин. – СПб. : Алетейя, 2016. – 306 с.
8. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Поступила 16.07.2025 г.